

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 619-632
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.619

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to a source study analysis of the testimonies of former Russian slaves in Central Asia of the 19th century, taken by the officials of Orenburg Governorate. The author shows that such testimonies are quiet numerous and carry important value for the study of Central Asia slavery in general. At the same time the officials who were gathering them proceeded from a rather specific position: subjects of the Russian Empire who had been in slavery in Central Asia were viewed as “Russian captives”/“captured Russians”. Firstly, this led to a situation when, while taking the testimonies, the most attention would usually be dedicated not to the period a person had spent in slavery, but to their capture itself. Therefore, often in the testimonies the detailed descriptions of capturing are followed by descriptions of long years in slavery, but they come down to one or two sentences and do not at all reveal the features of a person’s time in slavery. Secondly, such inattention to the realities of a person’s time in slavery, in turn, led the fact that under the designation of “Russian captives”/“captured Russians” most diverse categories of people were united: both slaves and persons long granted their freedom, and even children of these people who were never enslaved. The author comes to a conclusion that, for this reason, the stories of “Russian captives” should be studied on microlevel, treating contemporaries’ generalizations about “Russian captives” with a certain amount of caution, since in practice the social status of these people could differ significantly.

Keywords: source study, slavery, captivity, Central Asia, Khanate of Khiva, Orenburg Governorate, G.F. Gens.

1. Введение

История рабства в Средней Азии в Новое время представляет собой значимую и важную, но далеко не достаточно изученную тему. Ее изучение затрудняют в том числе и вопросы специфически историографического и источникового характера. Логично и предсказуемо, что российские историки, обращаясь к данной проблематике, используют прежде всего русскоязычные и (реже) англоязычные тексты, а не тексты на тюркских, иранских или арабских языках. Так, например, в недавно изданной и претендующей на обобщающее рассмотрение проблемы статье «Рабство в Центральной Азии (первая половина XIX века): природа и проявления» И.А. Ермачкова, Л.А. Королевой, Е.К. Минеевой и Л.Л. Баланиюка вся использованная литература (источники в ней не используются) написана либо русскими, либо британскими авторами (Ermachkov et al., 2021b: 115). При этом российские авторы с XIX в. апеллировали к факту многочисленных захватов подданных Российской империи среднеазиатскими кочевниками под покровительством Хивы, интерпретируя российскую экспансию в регионе как ответную самозащиту. Подобная интерпретация, с опорой на тексты российских дореволюционных чиновников, встречается и в современных научных работах. Например, в статье «Хивинский поход В.А. Перовского 1839–1840 гг. в контексте англо-русского соперничества в

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

Средней Азии» Д.В. Родина так описывается одна из причин рассматриваемого похода: «О необходимости противодействия набегам хивинцев и уводу русских подданных в рабство неоднократно писали русские дипломаты и агенты, посещавшие среднеазиатские ханства в первой трети XIX в.» (Родин, 2022: 43).

Действительно, значение источников, созданных российскими имперскими чиновниками о рабстве в Средней Азии, крайне велико. Само проникновение Российской империи в Среднюю Азию ставило перед российской властью задачи изучать и описывать новый край как для облегчения управления им, так и для вовлечения его в имперское пространство. В этом отношении показательно, что одним из первых русских авторов, систематически изучавших Среднюю Азию, был Г.Ф. Генс, в 1825–1844 гг. председатель Оренбургской пограничной комиссии (специального органа по управлению подчиненными империи среднеазиатскими кочевниками). «Григорий Федорович знал киргизскую степь и прилегавшие среднеазиатские ханства как свои пять пальцев. <...>. У него была организована целая система секретного изучения степи и внутренней жизни Хивы, Бухары, Кокана и т. п. ханств. Он не брезговал никем – приходи хоть самый последний “байгуш”, он все равно любезно его примет и выпросит все, что только нужно ему знать», – вспоминал о Г.Ф. Генсе его младший современник Н.М. Бекчурин (Севастьянов, 1907: 158, 160). Хотя Г.Ф. Генс лично не публиковал свои работы, и к настоящему времени большая их часть, вероятно, утеряна, еще в начале XX в. их использовали местные исследователи и чиновники. До наших дней дошли крайне комплементарные отзывы о рукописях Г.Ф. Генса известных востоковедов В.В. Григорьева и Я.В. Ханькова (Попов, 1907: 174-175). Характерно, что в трудах Оренбургской ученой архивной комиссии рукописи Г.Ф. Генса безапелляционно называются «единственным источником» по истории среднеазиатских ханств конца XVIII – начала XIX вв., словно за пределами России работ на эту тему не существовало (Попов, 1907: 175).

Соответственно, для оренбургских авторов конца XIX – начала XX вв., которые регулярно и систематически исследовали тему среднеазиатского рабства, было характерно некритически относиться к творчеству Г.Ф. Генса. Например, С.Н. Севастьяновым был написан очерк «Иван Васильевич Подуров», в котором отдельно указывалось, что захват и пребывание казачьего офицера в плену описывались в том числе по рукописи Г.Ф. Генса (Севастьянов, 1999: 190-205). Однако при обращении к архивным документам выяснилось, что в них многие сюжеты, связанные с похищением И.В. Подурова, С.Н. Севастьяновым описаны иначе или вообще упущены (так, в центре его внимания – похищение русских офицеров, и он вовсе не упоминает о том, что после них был похищен башкирец А. Абдулов, сумевший сбежать и сообщивший в ближайшую станицу о том, что его захватили «киргизцы», один из которых был одет в форму русского офицера, однако его сообщение было фактически проигнорировано) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 2-46). Однако данный очерк уже в современной историографии удостоивался даже подробного разбора филологами, причем вопрос его достоверности в этом разборе не поднимался, а сам очерк трактовался как относящийся «к биографии о государственных деятелях» (Жаглова, Сайбулова, 2020: 35-42).

Таким образом, в результате деятельности Г.Ф. Генса и других российских чиновников-востоковедов в Оренбурге был создан богатейший архивный материал о рабстве в Средней Азии Нового времени, прежде всего показания нескольких сотен выбравшихся из рабства людей различных национальностей, бывших подданными различных государств. Самими этими чиновниками создан ряд исследований, затрагивающих тему рабства в Средней Азии. Как созданный пласт архивных документов, так и предложенные еще в XIX в. оценки российских чиновников влияли и влияют на позднейшую российскую историографию вопроса. Однако едва ли приходится сомневаться, что взгляд на рабство в Средней Азии с позиции чиновника империи, в итоге захватившей данный регион, был специфичен и субъективен. Даже если рассматривать только источники, созданные с участием российских чиновников, не касаясь научного творчества последних, нельзя не отметить, что в этих источниках четко прослеживаются некоторые особенности, связанные с позицией их авторов: большинство рабов, вышедших в Россию из Средней Азии, были малограмотны, и от того, какие вопросы задавались подобному бывшему рабу и как обрабатывалось сказанное им при переносе на бумагу, сильно зависел итоговый результат. Между тем на данный момент исследований по источниковедению русскоязычных документов о рабстве в Средней Азии не существует, и мы решили восполнить этот пробел.

Учитывая большое число архивных материалов, а также различную степень их подробности, мы сочли необходимым начать с поиска ответа на основополагающий вопрос: в качестве кого вообще чиновники фиксировали бывших рабов? Первоначально мы хотели рассмотреть все категории рабов, однако очень быстро столкнулись с тем, что фиксация рабов из числа подданных Российской империи и из числа подданных других государств имела различную специфику. Поэтому в рамках данной статьи мы решили сконцентрировать внимание на первой категории рабов, поскольку при снятии показаний с них проблема языкового барьера обычно отсутствовала, поэтому их показания были подробны, и мы имеем больше возможностей для анализа их реального статуса на момент ухода из Средней Азии в Россию.

2. Материалы и методы

В своем исследовании мы решили опереться на ряд дел Объединенного государственного архива Оренбургской области, посвященных выходу из Степи и из среднеазиатских ханств подданных Российской империи. Как правило, подобные дела включают в себя как показания вышедших людей, так и сопроводительные документы об обстоятельствах их выхода и дальнейшей судьбе. В результате мы можем сопоставлять то, как именовались вышедшие из Степи и среднеазиатских ханств люди в этих документах с тем, как они описывали свой статус в показаниях. Чаще всего мы будем обращаться к делу о том, как в 1837 г. хивинский хан Аллакули выдал Российской империи 25 ее подданных (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1). В этом деле содержатся как многие документы различных авторов о встрече каравана с этими людьми (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 1-36), так и их достаточно подробные показания (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 37-66). При этом социальный статус рассматриваемых в деле бывших рабов, скорее всего, не вполне репрезентативен для положения российских подданных в Хивинском ханстве XIX в.: как утверждалось в показаниях, посланник хана, получив задачу выкупить 25 пленников и отвезти их в Оренбург, нарочно скупал «старых и дряхлых» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 65). Мы увидим, что де-факто среди этих 25 человек высока доля людей, освобожденных из рабства до отправки в Россию. Вероятно, в среднем доля таких людей была значительно ниже, но в данном случае посланник хана предпочитал брать с собой уже свободных, чтобы оставить себе деньги, данные ханом на выкуп рабов. Однако в результате в рамках одного дела рассмотрены люди с крайне разнообразной спецификой как попадания в рабство, так и пребывания в нем, что особенно ценно в рамках интересующей нас темы: мы можем наглядно видеть, насколько все эти нюансы учитывались русскими чиновниками при описании бывших рабов.

Чтобы понять, насколько типичны особенности источников, выделяемые нами на основе этого дела, мы будем обращаться и к другим делам о выходе из Хивы, Бухары и Степи подданных Российской империи. Оговоримся, что нами были рассмотрены и дела, которые не использованы в данной статье: поскольку используемая в них терминология достаточно близка, мы обращались преимущественно к материалам, которые выделялись из числа прочих либо терминологически, либо в плане уникальности социального статуса описанных в них людей. Наконец, чтобы понять, как позиционировали себя сами пленники, мы обратились к текстам, написанным ими собственноручно, а не обработанным оренбургскими чиновниками, к письмам хивинских рабов оренбургскому губернатору П.П. Сухтелену (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 16-170б., 41-410б., 45-450б.).

На основании данных архивных документов мы выясним, как в них чаще всего позиционировались подданные Российской империи, попавшие в рабство в Средней Азии. После этого мы попытаемся понять, насколько корректно было это позиционирование, насколько оно отражало те или иные тонкости социального статуса людей, и, наконец, как оно влияло на взятие показаний у бывших рабов.

3. Обсуждение

Первые публикации, специально посвященные проблематике русских в рабстве в Средней Азии, начали выходить в 1830-х гг. и были связаны, хотя и косвенно, как раз с Г.Ф. Генсом. В это время в оренбургской администрации работал известный русский литератор В.И. Даль, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка». Он близко сошелся с Г.Ф. Генсом, которому дал такую характеристику: «Меня здесь Бог натолкнул на клад: не только могу я вам сказать, коли угодно, как зовут хана Бохарского с чадами и домочадцами и весь двор его по имени и отчеству, но почти мог бы взяться отвечать на любой вопрос относительно нынешнего состояния Средней Азии, благодаря от всей души ученого и благомыслящего человека, который, не будучи сам в состоянии, по многосложности служебных занятий, воспользоваться собранными им в течение десятков лет записями, поручил мне вынести из-под многолетнего спуда сведения, за которые весь ученый и неученный мир должен сказать ему, неумолимому собирателю и исследователю, большое спасибо» (Матвиевская, 2002: 163). В.И. Даль опубликовал в российской периодике того времени ряд текстов о Средней Азии, в том числе и истории бывших рабов, например: «Рассказ хивинского пленника Федора Федорова Грушина» (Даль, 1838b: 81-86), «Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина» (Даль, 1838a: 188-211) или «Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова» (Даль, 1839: 74-92). Любопытно, что современная исследовательница Е.К. Созина трактует подобные произведения В.И. Даля как художественную литературу о «степном пленнике» (Созина, 2016: 6-15). Не отрицая художественной обработки В.И. Далем данных текстов, а также их отбора (по сравнению с рассмотренными нами материалами публикации В.И. Даля содержат намного больше сведений о положении дел в Средней Азии), отметим, что стилистически они близки к обычным показаниям русских, вышедших из Средней Азии. В.И. Даль планировал собрать воедино материалы Г.Ф. Генса и издать их по следующему плану: «1. Рассказы русских пленников о Средней Азии, независимой Татарии и Туране и соседственных с ней странах; 2. Рассказы путников и купцов о том же; 3. Объяснения и замечания ко всему к этому, расположенные не отрывками, к которым не знаешь, как приноровиться, отколь подойти,

а соединенные в одно целое, в связный рассказ» (Матвиевская, 2002: 163). Однако осуществить свой замысел В.И. Даль не сумел (Матвиевская, 2002: 163).

Уже в конце XIX в. архивные материалы Оренбургского генерал-губернаторства были спасены от гибели местными историками-любителями при поддержке губернатора Н.А. Маслаковца, результатом чего стало создание Оренбургской ученой архивной комиссии (Григорович, 1911: 266). Богатейшие сведения о русских в Средней Азии немедленно начали изучаться членами этой комиссии. На обороте одного из документов даже сохранилась следующая запись: «Дело это списано, между прочим, как материал, Членом Оренб<ургской> Губерн<ской> Ученой Архивной Комиссии, учрежденной при сем Архиве в 1887 г.; Гр. Еф. Королевым-Антошечкиным, составляющим исследование “Русские пленники в Средне-Азиатских ханствах”; 10 марта 1889 года. Архивариус» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 540б.). Однако и это исследование так и не было написано. Только в 1906 г. Оренбургской ученой архивной комиссией была издана работа С.Н. Севастьянова «События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839–1840 гг.» (Севастьянов, 1906: 95-148). Несмотря на название, фактически работа была посвящена захватам подданных Российской империи и борьбе оренбургских властей с этими захватами, а Хивинская экспедиция 1839–1840 гг. рассматривалась как часть этой борьбы (Севастьянов, 1906: 142). При этом С.Н. Севастьянова мало интересовала собственно Средняя Азия и ее реалии: он делал основной акцент на преступлениях ее жителей, оправдывая таким образом экспансию Российской империи. Даже характеризуя дружескую переписку П.П. Сухтелена с бухарцами, согласившимися помочь выволочь русских рабов, С.Н. Севастьянов не удержался от такой цитаты венгерского востоковеда А. Вамбери о жителях Востока в целом, не имевшей прямого отношения к теме: «Житель Востока рождается и умирает в маске; чистосердечие и откровенность не существуют на Востоке» (Севастьянов, 1906: 134).

В советский период позиции, с которых русскоязычными авторами изучалось рабство в Средней Азии, резко меняются: достаточно эмоциональный нарратив о русских пленных сменяется аналитическим изучением с опорой на поиск в регионе не частных проявлений рабства, но рабовладельческой формации по К. Марксу. Находили эту формацию не всегда, например, известный археолог А.М. Беленицкий доказывал: «При современном состоянии письменных и археологических источников по истории Средней Азии нет никаких данных, говорящих в пользу существования “рабовладельческой формации” в марксистском понимании этого термина. На всем протяжении исторических периодов рабство играло в основном роль паразитарного нароста, задерживавшего поступательное развитие социально-экономического строя общества» (Беленицкий, 1970: 71-76). В этих условиях интерес к оренбургским документам о рабстве в Средней Азии резко упал. Зато нельзя не отметить предпринятую в это время С.К. Исмаиловой публикацию бухарских документов о местных рабах (Исмаилова, 1973: 20-30).

Наконец, в последние десятилетия появилось достаточно много работ российских историков, продолжающих именно дореволюционную, а не советскую историографию, и анализирующих рабство в Средней Азии с российской позиции и с опорой на русскоязычные источники. В то же время эти работы выполнены на принципиально более высоком научном уровне и поднимают важные вопросы. Так, А.В. Кочнев в статье «Российские подданные в Хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия» мало пишет о положении русских рабов в Средней Азии, но приходит к важному и интересному, хотя и дискуссионному, выводу о том, что спасение этих рабов было в большей степени вопросом престижа, а не гуманизма, «а также поводом для введения своих войск на территорию Хивинского ханства в период обостряющейся конфронтации с Англией» (Кочнев, 2017: 100-104). Поэтому логично и предсказуемо усиление интереса к хранящимся в Оренбурге русским материалам о рабстве в Средней Азии. В статьях «Особенности захвата в плен русских людей азиатскими кочевыми племенами (первая половина XIX века)» и «К вопросу о стоимости рабов на территории Хивинского ханства (первая половина XIX века)» И.А. Ермачков, Е.В. Видищева, А.А. Байбарин, Е.К. Минеева и Л.Л. Баланюк анализируют показания 80 русских пленников, возвращенных в Россию из Хивы в 1839 г. (показательно, что авторы считают подобные показания «достаточно редким источником по истории рабовладения в XIX веке», хотя, как видно из нашей работы, именно в материалах оренбургских властей этот источник представлен существенно) (Ermachkov et al., 2021c: 1171–1180; Ermachkov et al., 2021a: 1779–1788).

Таким образом, в качестве исторических источников показания, снятые у вышедших из Средней Азии рабов оренбургскими чиновниками, использовались с 1830-х гг. по сей день. Однако источниковедческих работ о них нет, особенности данных источников не проанализированы до сих пор, и мы данной статьей попытаемся заполнить существенную лауну в историографии.

4. Результаты

Прежде всего, отметим, что в разобранных нами документах почти не встречаются слова «невольник» или «раб». Вообще социальная проблематика рабства, его система, категории среднеазиатских рабов и их права в них почти не фиксируются. Подданные Российской империи, оказавшиеся в среднеазиатских ханствах, позиционируются как «русские пленные»/«русские пленники», причем эти слова порой используется в неочевидном значении.

Обратимся к упомянутому нами выше делу о том, как хивинский хан Аллакули в 1837 г. выдал Российской империи 25 ее подданных. Уже в первом документе дела есаул Оренбургского казачьего войска доносит начальству ходившие в степи слухи (впоследствии не подтвердившиеся) о том, будто бы «караван из Хивы не вышел, хотя и был приготовлен, а с ним и до двух сот *Русских пленных* (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 10б.-2). Другой офицер среднего звена, подполковник Подуров, вскоре сообщил более точную информацию: «Из Киргизской степи выехал Хивинец Авазиаз Усиопов, который предъявил, что он следует из Хивы с *пленными России принадлежащими людьми*, Мужеска пола 15 Человеками (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 4). Далее большинство авторов (члены Оренбургской пограничной комиссии, исполняющий должность начальника Оренбургского таможенного округа Венгер, лично оренбургский губернатор В.А.Перовский, а также уже упомянутый подполковник Подуров) использовали формулировку «Хивинский караван с *Русскими пленниками* (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 5, 8-9, 15). Значительно реже встречались формулировки, в которых указание на «русскость» пленных/пленников опускалось. Так, полковник Поплавский сообщил В.А. Перовскому, что якобы при караване «находится *пленников* 120-ть человек (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 10). А вот «рабами»/«невольниками» в данном деле местные чиновники людей, вышедших с хивинским караваном, не именовали. Во всем деле, занимающем более 70 листов, слово «раб» не упомянуто ни разу, а слово «невольник» – только однажды. О «*Русских невольниках*, скорбящих в Хиве по утраченной отчизне (курсив наш – Авт.)», написал внешний по отношению к Оренбургскому губернаторству человек, московский генерал-губернатор Д.В. Голицын, обратившийся к В.А. Перовскому с любезным письмом, скорее личного, чем служебного характера, в котором выражалась радость по поводу освобождения русских из Хивы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 73). При этом в другом месте этого письма Д.В. Голицын спрашивал: «Как велико число *Русских пленников*, из Хивы возвращенных? (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 73об.). Таким образом, оренбургские чиновники предпочитали писать о «русских пленниках», а не «русских невольниках», а для Д.В. Голицына в контексте среднеазиатского рабства понятия «русский невольник» и «русский пленник» были синонимичны.

Словосочетания «русский пленный»/«русский пленник» используются для обозначения вышедших из Хивы людей и в показаниях как самих этих людей, так и сопровождавших их караванщиков. Однако следует помнить, что мы имеем дело с записью прямой речи лицами, для которых такая терминология была привычна (показания с «русских пленников» и караванщиков были сняты членами Оренбургской пограничной комиссии) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 16-66). Соответственно, мы не знаем, действительно ли сами говорившие использовали эти словосочетания, или снимавшие показания с малограмотных караванщиков и бывших рабов чиновники унифицировали в них терминологию. Наиболее очевидно это в случаях с переводами. Так, в рассматриваемом нами деле есть перевод письма караванщика Алмата Тобобергенева из Бухары, в котором не только сообщается, что «*Русских пленных Его Высочество* (бухарский эмир – Авт.) положили прислать и с ними вместе приведут слона (курсив наш – Авт.)», но и прибавляется, что, «услыхав об этом, Хивинский Хан отпустил всех Русских и приставил *Чиновника* для сбора всех их (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 81). Как мы видим, бухарский эмир на европейский манер именуется «Его Высочеством», а придворный хивинского хана – «Чиновником». Для сравнения, вышедшие из Хивы бывшие рабы порой использовали местную номенклатуру для обозначения придворных хивинского хана: в их показаниях пять раз упоминается «Диван-Бегий»/«Диван-Беги»/«Диван-Беш» (речь идет об одном лице, придворный сан которого транскрибировался в показаниях разных людей по-разному) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 43, 45об, 47, 56, 63об.). Соответственно, в условиях отсутствия оригинала письма Алмата Тобобергенева мы не можем быть точно уверены, что дошедший до нас его перевод выполнен корректно и «Русские пленные», «Его Высочество» и «Чиновник» в этом переводе не являются искажениями, унификацией местной терминологии с терминологией имперской, выполненными переводчиками. В рассматриваемом нами деле есть также показания караванщика Саминбая Курманбаева, якобы заявившего, что «во время следования из составляющих Караван Бухарцов, Хивинцов и *русских пленных* больных и умерших не было (курсив наш – Авт.)», однако не ясно, на каком языке они брались, и имеем ли мы дело с переводом или показаниями, изначально взятыми на русском языке (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 16).

Наконец, словосочетание «русские пленники» и слова «пленники»/«пленные» представлены и в показаниях самих вышедших из Хивы лиц в качестве самопрезентации. «В ауле этом находились *Русские пленники*, взятые прежде нас, а некоторых привезли после нас (курсив наш – Авт.)» (показания Василия Ильина) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 37об.). «Под караулом нас содержали для того, чтобы прочие *Русские пленники* не узнали об отправлении нас в Россию (курсив наш – Авт.)» (показания Ивана Рязанова) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 41об.). «Когда я и другие *пленники* готовы были отправиться, сын моего хозяина Маширыш приехал в тот город, начал требовать от Кабылбая, приехавшего ныне сюда в Оренбург, за меня деньги (курсив наш – Авт.)» (показания Петра Старцева) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 44об.). «В Хиве остался вместе с нами *пленный*

Степан Дементьев, из Малороссиян (курсив наш – Авт.)» (показания Ивана Иванова) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 490б.). Подобных примеров можно привести еще несколько, а вот местных, нерусскоязычных обозначений для хивинских рабов, отражающих их рабский статус и специфические среднеазиатские реалии, в показаниях всех 25 «русских пленнх» нам обнаружить не удалось.

Однако мы располагаем и материалами других дел, в том числе тремя письмами, которые были написаны оренбургскому губернатору П.П. Сухтелену русскими рабами из Хивы собственноручно в 1831–1833 гг. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 16-170б., 41-410б, 45-450б.). Лексика этих писем крайне отличается от лексики показаний, отбирившихся чиновниками у спасенных из Хивы «русских пленников»: она безграмотна, архаична и изобилует отсылками к Библии, хотя и не лишена местами яркой образности. Например, только в этих письмах описываются чувства русских рабов в Хиве: «сожалейте о нас *запленных*, страждущих в басурманских землях, мы же свою жизнь не можем ни к чему применить, кроме только, что нет той травы полныи горчее в Российской степи, и нет той нуждающей, и жестокой, и беспокойной, и безвредной жизни в басурманской земле, но и траву полынью можно несколько медом усладить, а наши присохшие и кровь запекающие уста ничем не сможем прохладить (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 17). Таким образом, в этих письмах мы можем увидеть, как русские рабы в Хиве называли себя сами, до обработки их показаний чиновниками. И как раз «русскими пленниками» дословно они себя не назвали ни разу, однако одной из основ для их авторепрезентации, как видно даже из приведенной выше цитаты, было пребывание в *плени* (а не в рабстве). Так, в письме 11 июня 1831 г. авторы позиционировали себя как «*хивинско пленных* (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 16). Про своих товарищей по несчастью они писали: «Что же касается количества *плена*, в здешнем Хивинском ярту по исчислению находится 1800 человек (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 17). Второй же основой авторепрезентации было христианство: в том же письме пленники утверждали, что они «безвинно страдающие *единственно только за веру христианскую* (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 16). В остальных двух письмах, от осени 1832 г. и 21 марта 1833 г., темы плена и рабства вообще не поднималась, и авторы писем позиционировали себя исключительно как христиане, страдающие в чужой земле, и даже называли себя «мы, напрасно страждущие ваши *верноподданные христиане* (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 41). Никакой специфической местной, среднеазиатской лексики для авторепрезентации в письмах, как и в показаниях «русских пленных», не использовалось. Таким образом, судя по немногочисленным свидетельствам хивинских рабов, записанных ими самостоятельно, для их авторепрезентации проблематика неволи/рабства была маловажной, а ключевой являлась проблематика плена и особенно христианства. Вероятно, это оказывало определенное влияние и на официальную документацию, однако степень этого влияния не стоит переоценивать: исходя из собственноручных писем русских рабов в Хиве, логично было бы именовать их «*христианскими*», но никак не «*русскими пленными*».

Нам остается зафиксировать, что русские чиновники в Оренбуржье обычно позиционировали рабов в среднеазиатских ханствах из подданных Российской империи как «русских пленных»/«русских пленников», с акцентом на факт их захвата в плен, а не их рабский статус, причем, судя по всему, сами пленники использовали схожую, но несколько иную терминологию (с акцентом на свой плен, а не свое рабство, но при этом на свое христианство, а не свою русскость). Остановимся теперь на том, что и показания «пленников» брались чиновниками, исходя из подобной логики: в них обычно подробно фиксировались обстоятельства пленения русского подданного, а вот его пребывание в рабстве описывалось предельно кратко. По такой логике построены показания всех 25 человек в рассматриваемом нами деле. Например, Василий Ильин подробно описывал, вместе с кем он был захвачен в рабство, сколько было захватчиков, по какому маршруту он попал в Хиву, как его продали местному жителю, а вот три года рабства поданы так: «У купившего меня Хивинца жил я до самого освобождения» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 37-370б.). Иван Малышев столь же подробно описывал свой захват, а вот о четырнадцати годах жизни в Хиве говорил мало, хотя с ним там произошел любопытный случай, приводимый в показаниях без всяких пояснений: «У Сеитмет Арапа (хозяина Ивана Малышева – Авт.) (который назад тому два года помер) я жил до 1832 г. в местечке Рапанике от Хивы верстах в двух, а в этом году он отпустил меня на волю без всякого выкупа, но я после того по воле своей находился у него же в доме до самого отправления сюда» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 380б.-390б.). Савелий Чунаев, также подробно описав свой захват, становился крайне лаконичен при описании тринадцати годов в Хиве, при том, что он хорошо зарабатывал в рабстве: «У Дос-Бая я жил все прошедшее время, занимаясь домашними его работами; когда же начал собираться в Хиве в Россию караван, я, узнав о сем, откупился от него, заплатив ему 80 червонцев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 40-400б.).

Показания «русских пленников», отложившиеся в других делах, также строились чаще всего по подобной логике. Так, в 1839 г. Оренбургская пограничная комиссия сообщила о том, что некий Барангул Каркин «доставил в <Ново-Александровское> укрепление четырех Русских пленников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 3). У всех четырех были взяты показания, в которых они подробно описывали обстоятельства своего пленения, один из них подробно описал осуществленный с

помощью Барангула Каркина побег (остальные подтвердили это описание), а вот истории жизни в плену отличались поразительным лаконизмом: «<перекупщик> продал <меня> Хивинцу Бек Павлубаю за 51 Хивинский червонец, у сего Хивинца находился я в неволе до 1838 г.» (показания Дмитрия Васильцова); «меня купил в местечке Хузенли Хивинец Бек-Павлубай за 70 червонцев, у коего я находился до самого побега» (показания Егора Шубина); «этот <перекупщик> отвез меня в Хиву и в местечке Хузенли продал Хивинцу Бек Павлубаю за 70 червонцев, у которого я находился до самого побега в рабстве» (показания Трофима Плеханова); «Хивинец привез меня в местечко Хузенли, продал брату своему Хош-Назару за 50 червонцев, сей же последний продал <меня> помощнику градоначальника Дос-Мурзе Аталыку за 65 червонцев. У оного Дос-Мурзы находился я в рабстве до самого побега» (показания Ивана Самкина) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 11-14об.). Для сравнения приведем самую краткую историю пленения из этих показаний, рассказанную Егором Шубиным: «В 1830 году после Петрова дня (29 июня) с родным братом Петром Шубиным и 10 работниками отправился я на Каспийское море для рыбопромышленности, находился при урочищах, называемых Чеченскими водами, потом дней через 15 поехал я с судна с пятью работниками для расставления сетей, и по наступлении ночи нападшими на нас во время сна Трухменцами до 15 человек взят в плен.

Работники, с коими я пленен, назывались 1) Егор, 2) Алексей Вавиловы, 3) Яков, 4) Андрей, 5) Матвей по прозваниям неизвестные, но какого они сословия были и из какой Губернии не знаю. Из пленителей же знаю только одного Трухменца Курбана. По пленении нас привезены мы были на Мангишлацкую пристань и тут разделены; я и товарищи мои Алексей и Матвей достались помянутому Трухменцу Курбану, который, продержав нас у себя в кибитке месяц, отвез в Хиву и продал всех порознь» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 12-12об.). Как мы видим, в данных показаниях, в отличие от показаний 25 «русских пленных», выданных хивинским ханом Аллакули в 1837 г., пребывание русских в Хиве даже позиционируется как «рабство», однако оно совершенно не интересует людей, берущих показания у бывших рабов. Как и в рассмотренных нами выше случаях, они концентрируют свое внимание на обстоятельствах попадания этих рабов в плен.

В некоторых случаях, когда «пленник» мог сообщить интересные для чиновников факты, связанные с периодом его пребывания в рабстве, они выносились в отдельное показание. Так, в том же 1837 г. из степи с помощью лояльного к русским старшины Худайбергана Сандубаева бежал казак Алексей Макаров (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 114-122об.). С него было снято два показания. В первом он по уже знакомой нам схеме подробно рассказывал о своем пленении и о судьбе других известных ему пленников, а описание его собственного рабства сводилось к следующей сентенции: «Я достался двоим, Ситниязу и Атаназару, по прозваниям неизвестным, у коих жил около 2-х месяцев, а потом был продан Киргизу Адаевского рода Досжану Кадырчанову, у коего и жил все прошедшее время» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 115-118об.). А полученные Макаровым в рабстве новости из Степи, в основном о деятельности султана Каип-Галия Ишимова, боровшегося с русским влиянием (Izbassarova, 2020: 2385-2395) были выделены в отдельное показание (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 119-121об.). Таким образом, позиционирование российскими чиновниками в Оренбуржье выходивших к ним из среднеазиатских ханств подданных Российской империи именно как пленников, а не рабов, влияло на систему дальнейшей работы с этими людьми: показания у них брались именно как у пленников, с акцентом на их пленение и выход из плена, а не на жизнь в рабстве.

Рассмотрим теперь вопрос о том, насколько подобное позиционирование отражало реалии среднеазиатского рабства. Изучение биографий конкретных выходцев из Хивы и Бухары, обозначенных в документах в качестве «русских пленников»/«русских пленных», показывает, что широкое использование этих словосочетаний вело к игнорированию сложных судеб отдельных людей, к массовой записи в «русские пленники» как бывших рабов, так и людей, рабами уже не являющихся, а иногда даже лиц, никогда не бывших ни рабами, ни пленниками, ни подданными Российской империи.

Начнем с того, что само прилагательное «русский» в словосочетании «русский пленник» могло скрывать неоднозначные отношения человека к Российской империи. Оно, безусловно, *не означало* этнической принадлежности. Вернемся к 25 подданным Российской империи, выданным в 1837 г. хивинским ханом Аллакули. 23 из них никак свою этническую принадлежность не уточняли, и, судя по их именам и социальному статусу, это действительно могли быть русские (по крайней мере, в широком значении этого слова, соответствовавшем имперскому дискурсу того времени и включавшем в себя великороссов, малороссов и белорусов). Однако двое пленников этнически никак не могли считаться русскими. Яков (Якуп) Соколовский в кратком списке пленников был обозначен как «поляк» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 19), а в своем подробном показании сообщил, что он «из поляков, бежал из Польши, в котором году не знаю, но будет теперь этому лет 35, в Россию, в город Ковно», а «Вероисповедания Римско-Католического» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 58об.). Байбагугн Ямбаириев в показаниях был означен как человек «из некрещеных Черемис-идолопоклонников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 63). Как мы видим, «русскими пленниками» могли записываться люди самой различной этнической принадлежности, являвшиеся подданными Российской империи.

При этом подданство Российской империи для этих людей могло быть уже *неактуальным* на момент попадания в плен, и похищаться они могли с территории другого государства. В числе 25 «русских пленников», вышедших из Хивы в 1837 г., был солдат Василий Венедиктов/Дмитриев (очевидно, разные чиновники по-разному определяли его фамилию и отчество: полностью его звали «Василий Венедиктов Дмитриев»), уже в первоначальном списке пленников обозначенный как «бежавший в Персию» и «плененной из персидских Войск» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 190б.). Как явствовало из показаний самого Венедиктова, он был якобы обманом увлечен персами в Тебриз в 1828 г.: отстал от своих товарищей, с которыми был отправлен для перевозки казенного сена, и встретил персов, которые обещали отвести его к русским, но вместо этого отвели к наследнику персидского престола Аббас-Мирзе (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 64). Получив деньги от Аббас-Мирзы, Венедиктов был направлен им в особую персидскую часть, состоящую из беглых русских, обмундированных по русскому образцу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 64-640б.). Он прослужил у Аббаса-Мирзы несколько лет, пока во время военных действий против Герата не оказался захвачен в плен местными жителями (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 640б.). После этого Венедиктов был продан в Хивинское ханство, где в итоге оказался рабом «Трукменца Алланазара Пир-Назарова», у которого «находился 5 лет: в летнее время возил землю на поля и производил хлебопашество; а зимой выбивал масло из семян» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 65). Показания Венедиктова разошлись с показаниями других пленников, по словам которых он не обманом был увлечен в Персию, а бежал с русской военной службы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 70-700б.). В любом случае, казус Василия Венедиктова показывает, что в сложном клубке отношений различных держав в Средней Азии «русскими пленниками» могли называться и русские беглые, оставившие Россию, инкорпорировавшиеся в другие государства, а затем попавшие в рабство.

Однако при этом наиболее экзотические подданные Российской империи, освободившиеся из Средней Азии, могли и *не позиционироваться* как «русские пленники». Правда, наиболее яркий пример подобного из известных нам имел место значительно позже, в 1859 г. Летом этого года зауряд-хорунжий Канбилиев, отправленный в Степь контролировать сбор кибиточной подати, обнаружил в семье некоего Бутагары Казбекова «какую-то женщину постороннего сословия» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 20). Как оказалось, молодую женщину (ей было 20 лет) звали Анжиретой Хисамутдиновой, она была российской подданной, родившейся и проведшей детство в Петропавловске, затем, после пожара в доме ее семьи, увезенной отцом в аул к мужу ее сестры и в итоге попавшей в плен к степнякам во время нападения на этот аул (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 20-200б.). Дошедшая до нас переписка об Анжирете Хисамутдиновой составляет несколько документов, и слово «плен» в ее отношении упоминается в них дважды. Во-первых, в пересказе показаний самой девушки говорится, что «Анжирету взяли в плен» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 200б.). Во-вторых, оренбургский и самарский генерал-губернатор А.А. Катенин один раз пишет об Анжирете, «бывшей в плену у Киргизов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 22). А вот о ее «русскости» в каком-либо контексте в этих документах не говорится ни разу. При этом и слово «пленница» в качестве основной характеристики девушки не встречается: в документах она не «татарская пленница» или хотя бы «пленная татарка», но «Татарка Хисамутдинова» или «татарка Анжирета Хисамутдинова» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 22).

Возможно, какую-то роль в словесном непозиционировании Хисамутдиновой как пленницы сыграл гендерный фактор. Случаев, когда оренбургские чиновники имели дело не с мужчинами, а женщинами, захваченными в плен выходцами из Средней Азии, нам известно крайне мало. Соответственно, слово «пленник» в данном контексте могло в принципе не иметь очевидного феминитива «пленница». Так, в другом известном нам случае женщина (казачка Елена Ангина) попала наряду с мужчинами-русскими и мужчинами-афганцами в общий список «вырученных из Киргизской Орды в 1831-м году пленников (курсив наш – Авт.)» (к сожалению, документы о ней лично до нас не дошли, и мы не знаем, именовалась ли она в них персонально «пленницей») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3850/б. Л. 1). Однако поскольку дело Анжиреты Хисамутдиновой рассматривалось персонально, а не в ряду мужчин, распространить на нее общее понятие «пленник» было нельзя. При этом одновременно со случаем Анжиреты Хисамутдиновой оренбургское начальство рассматривало казус перса Алия, ребенком попавшего в плен и теперь желавшего принять русское подданство с разрешения своего хозяина (а фактически старшего товарища) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 22-24). И обращают на себя внимание уже названия документов Оренбургской пограничной комиссии об Анжирете Хисамутдиновой и Алии: «Донесение о вывозе из степи *татарки* Хисамутдиновой (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 20), но «Представление о причислении *пленного персиянина* Алия к киргизам Зауральской орды (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 23). В итоге А.А. Катенин в ответных документах писал о «татарке Анжирете Хисамутдиновой, бывшей в плену у Киргизов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 22), но о «*пленнике* Персианине Алии (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 24). При этом вышедшие в том же 1859 г. из Бухары 11 подданных Российской империи славянского происхождения в документах традиционно именовались чаще всего «русскими пленными»: «выслать ему (Оренбургскому ордонансгаузу – Авт.) 9 руб. 35 коп. сер<ебром> на кормовое содержание вырученным из Бухары 11 Русским пленным,

доставленным в Оренбург» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 1); «разрешаю оставленных в Оренбурге Русских пленных, вырученных из Бухары, отправить, за исключением Степана, не помнящего родства, для зачисления в те ведомства, к коим они принадлежат» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 13); «13-го минувшего Июля за № 7052-м Пограничная Комиссия имела честь донести Вашему Высокопревосходительству об отправлении ей в подлежащие места 10-ти Русских пленных» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 19). Таким образом, Анжирета Хисамутдинова могла не именоваться «русской пленницей» просто потому, что такое словосочетание, в отличие от словосочетания «русский пленник», не было сколько-либо привычным для русских чиновников в Оренбургском губернаторстве.

Нам осталось констатировать, что в документообороте оренбургских властей XIX в. «русскими пленниками»/«русскими пленными» обычно именуются люди, взятые в плен выходцами из Средней Азии и являющиеся или бывшие в прошлом подданными Российской империи, независимо от их этнической принадлежности. Подчеркнем, что на момент взятия в плен для подобного лица российское подданство могло уже не быть актуальным. В то же время нам известен один случай, когда русская подданная неславянского происхождения, попавшая в плен в Средней Азии, именовалась не «русской пленницей»/«русской пленной», но «татаркой» (с опциональным дальнейшим уточнением о том, что она была в плену).

Обратимся теперь к вопросу о корректности использования слова «пленник» по отношению к этим людям. С одной стороны, все рассмотренные нами выше персоналии действительно некогда попали в плен, с другой – факт пленения на момент взятия у «русского пленника» показаний мог уже быть событием давнего прошлого. Рассмотрим истории всех 25 «русских пленников», возвращенных на родину в 1837 г. хивинским ханом Аллакулли. Имена мы приводим по показаниям «пленников», в других документах могут встречаться несколько иные их формы. При этом напомним, что сами эти «пленники», как мы уже упоминали выше, слова «рабство» в своих показаниях не использовали.

1) Василий Ильин: захвачен в 1834 г., через неделю отправлен в Хиву, где продан местному жителю, у которого был в рабстве до отправки на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 37-37об.).

2) Иван: захвачен ребенком, сам захвата не помнил, до отправки на родину всю жизнь (на 1837 г. ему было около 60 лет) провел в рабстве (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 38).

3) Иван Малышев: захвачен в 1823 г., примерно через десять дней доставлен в Хиву, около которой продан местному жителю, у которого был в рабстве до 1832 г., после чего отпущен хозяином на волю (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 38об-39об.).

4) Савелий Чунаев: захвачен в 1824 г., через какое-то время перевезен в Хиву и продан местному жителю, у которого был в рабстве, пока в 1837 г., узнав об отправке каравана с русскими в Россию, не выкупил себя и не явился к этому каравану (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 40-40об.).

5) Иван Рязанов: захвачен в 1833 г., прожил у пленителей два месяца, после чего бежал, был пойман, отправлен в Хиву и подарен хану, у которого был в рабстве до отправки на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 40об.-41об.).

6) Дмитрий Филипов: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 28 лет назад, после чего он сразу был отвезен в Хиву и продан местному жителю, от которого 9 лет назад выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 41об.-43).

7) Петр Старцев: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 20 лет назад, через месяц его повезли в Хиву, но еще по пути он был продан местному жителю, у которого был в рабстве до 1837 г., когда, после смерти хозяина, он выкупился на свободу за символическую сумму (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 43об.-44об.).

8) Козьма Лосев: захвачен в 1836 г., вскоре отвезен в Хиву и подарен хану, у которого был в рабстве до отправки на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 45-45об.).

9) Василий Коптягин: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 55 лет назад, после чего он сразу был отвезен в Хиву и продан местному жителю, а затем находился в рабстве до 1837 г., когда был выкуплен местным жителем для отправки в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 46-47).

10) Илья Федоров: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 40 лет назад, после чего его отвезли в Хиву и продали местному жителю, в рабстве у которого он был до отправки в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 47об.).

11) Михаил Артамонов: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 43 лет назад, после чего он сразу был отправлен в Хиву, но еще по пути продан местному жителю, от которого через 23 года выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 48-48об.).

12) Иван Иванов: захвачен в 1811 г., примерно через полгода отвезен в Хиву, где куплен ханом, отпустившим своего раба на волю через 14 лет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 48об.-50).

13) Василий Червяков: захвачен в 1811 г., примерно через полгода отвезен в Хиву, где куплен местным жителем, от которого 5 лет назад выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 50-50об.).

14) Константин Бубнов: захвачен в 1830 г., отвезен в Гурлян и продан местному жителю, в рабстве у которого он был до отправки в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 51-52об.).

15) Василий Иванов: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 15 лет назад, через несколько месяцев куплен торговцем из Гурляна, у которого был в рабстве, пока примерно 7 лет назад не ослеп и не был выкуплен на свободу по символической цене Козьмой Шмелевым (о нем см. ниже) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 520б.-530б.).

16) Никифор Рулев: захвачен в 1835 г., через 15 дней отправлен в Хиву и подарен хану, у которого был в рабстве до отправки на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 54-55).

17) Григорий Рулев: захвачен в 1835 г., через 15 дней отправлен в Хиву и подарен хану, у которого был в рабстве до отправки на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 55).

18) Иван Тимофеев: захвачен в 1835 г., вскоре отвезен в Хиву и подарен хану, у которого был в рабстве до отправки на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 550б.-560б.).

19) Василий Хорошников: захвачен в 1801 г., через четыре месяца отвезен в Хиву и продан местному жителю, от которого через 15 лет выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 57-58).

20) Яков Соколовский: дату пленения внятно не назвал, но, вероятно, она относилась еще к началу XIX в., сразу отвезен в Гурлян и продан местному жителю, впоследствии умершему, от детей которого 12 лет назад выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 580б.-59).

21) Козьма Шмелев: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 36 лет назад, отвезен в Ургенч и продан местному жителю, от которого через 19 лет выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 590б.-600б.).

22) Антроп Плотников: захвачен в 1800 г., отвезен в Гурлян и продан местному жителю, от которого в 1833 г. выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 61-620б.).

23) Байбагугн Ямбаириев: захвачен в 1823 г., через 20 дней отправлен в Хиву и продан местному жителю, от которого через 14 лет (т. е., очевидно, как раз в 1837 г.) выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 63-630б.).

24) Василий (Венедиктов) Дмитриев: дату пленения внятно не назвал, но, вероятно, она относилась к 1832–1833 гг., пленен, как мы писали выше, будучи солдатом персидской армии, отправлен в Хиву и продан местному жителю, в рабстве у которого он был до отправки в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 630б.-650б.).

25) Василий Игнатъев: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 4 лет назад, через некоторое время отправлен в Хиву и подарен хану, у которого был в рабстве до отправки на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 650б.-660б.).

Как мы видим, плен значительной части этих людей был событием очень давним: некоторые из «русских пленников» были захвачены еще в XVIII в., за 40 и более лет до того, как с них снимались показания. При этом захват в плен всегда осуществлялся совсем не теми людьми, у которых «русские пленники» в итоге оказывались в рабстве на долгий срок: сначала подданный Российской империи похищался работником, у которого был в плену обычно недолго, не более полугода, а затем продавался им хивинскому рабовладельцу, у которого использовался как обычный хозяйственный раб не менее чем десятилетие. Более того, заметная часть «русских пленников» сумела выкупить себя или была освобождена хозяевами. Таким образом, позиционирование этих людей как «пленников» достаточно спорно: их плен давно закончился, сменившись хозяйственным рабством или свободой. По этой же причине и «рабами»/«невольниками» на 1837 г. корректно называть только часть этих людей: остальные уже имели свободный статус до выхода в Россию. И это сильно осложняет оценку общего числа русских рабов в Хивинском ханстве. Выше мы приводили цитату на этот счет из письма «русских пленников» П.П. Сухтелену: «Что же касается количества плена, в здешнем Хивинском ярту по исчислению находится 1800 человек». Однако все ли эти 1 800 человек были рабами, или какая-то их часть уже получила свободу, но, подобно рассмотренным нами выше де-юре свободным лицам, продолжала позиционироваться русской стороной «пленниками»?

Статусу подданных Российской империи в Хивинском ханстве как «пленников», независимо от их свободы/рабства, могло способствовать то, что они, по-видимому, навсегда оставались пораженными в правах. Так, в показаниях тех из 25 «русских пленников», возвращенных на родину в 1837 г., кто уже был формально свободен, часто встречаются истории, демонстрирующие их дискриминацию. «Братья Сеитмет-Арапа, Атамет и Вене-нияз, отобрали у меня собственные мои деньги, приобретенные разными способами, мелкой Хивинской серебряной монетой всего на семь тамошних червонцев, сказав, что я нажил их у них в доме» (показания Ивана Мальшева) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 390б.). «Сын моего хозяина Маширып приехал в тот город, начал требовать от Кабылбая, приехавшего ныне сюда в Оренбург, за меня деньги, говоря, что Хан дал ему оных на выкуп пленных, но Кабылбай отвечал, что я уже был свободен и потому не следует ему ничего давать, потом Маширып сказал Кабылбаю, что у меня есть деньги свои, после чего Кабылбай велел у меня отобрать деньги, которые тут же у меня и <были> сорваны с шеи, всего 15 золотых монет, из коих только 1 мне возвратили» (показания Петра Старцева) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 440б.). «Находящиеся же в лавочке товар рублей на 300 и 1200 дынь взять нам не позволили, таким образом мы с Кабылбаем приехали ныне сюда» (показания Ивана Иванова) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 50). Как видно из этих примеров, семья бывшего хозяина могла претендовать на деньги «русского пленника», и, даже если он имел имущество, на которое никто не претендовал, его могли не дать забрать на родину.

И здесь уместно перейти вообще к тем людям, которые тоже именовались в документах оренбургских чиновников «русскими пленниками»/«русскими пленными», но при этом в плен они никогда не попадали, да и подданными Российской империи они никогда не были. Дело в том, что освобожденные рабы в среднеазиатских ханствах могли жениться и заводить детей. Из 25 «русских пленников», возвращенных на родину в 1837 г., рассмотрим случаи двоих, которые подробнее всего рассказали о своих семьях. Василий Хорошников после освобождения женился на Анне, дочери другого пленника, от которой имел детей, Андрея и Анну (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 57об.-58). После смерти жены он женился уже на хивинке-мусульманке (что, кстати, доказывает существование смешанных браков в среде хивинцев и бывших русских рабов, а также ставит вопрос о том, как подобные браки осуществлялись с религиозной точки зрения) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 58). Судя по не очень внятным показаниям Хорошникова, он был готов расстаться с женой, но не с детьми, но хивинские власти отправили в Россию его одного, не оставив ему выбора: «я хотел было их везти с собой в Россию; но Хивинское Правительство мне не дозволило, а одного меня насильно отлучили от них и прогнали» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 58). Козьма Шмелев после освобождения женился на Давлете, дочери вышедшего в Россию вместе с ним Антропа Плотникова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 60). Любопытно, что Плотников был единственным из известных нам «русских пленников», который женился еще в рабстве, причем на дочери другого пленника, однако некрещеной и носившей нерусское имя Турсунде (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 62). Давлета, таким образом, родилась в Хиве и, подобно матери, не была крещена (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 60об.). У Шмелева от нее были сын и дочь, и он хотел взять в Россию всю свою семью, но и ему не дали этого сделать (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 60об.).

Упоминаний о семье Хорошникова в других архивных материалах мы пока не нашли, а вот семья Шмелева фиксируется в некоторых документах в числе «русских пленников» в Хиве. Так, в 1854 г. для оренбургского и самарского генерал-губернатора В.А. Перовского было подготовлено письмо для отправки хивинскому правительству с целью переговоров об освобождении русских подданных. «Из дел Оренбургского Пограничного Управления видно, что в Ханстве Хивинском есть и теперь несколько Русских пленников, именно: <...> Семейство Астраханского мещанина Козьмы Глебова Шмелева, который сам был сюда доставлен из Хивинского плена в 1836 году, в числе 25 человек, на обмен задержанных у нас тогда Хивинских торговцев. Шмелев, живший в плену более 36 лет, женился в Хиве на дочери Русского пленника Антропа Андреева Плотникова и прижил с ней детей, при возвращении его, Шмелева, оставленных, однако, в г. Гурляне; жену Шмелева зовут Давлетой, по-Русски Ульяной, а детей: сына Алакуюм и дочь Алапре, а по-Русски Алексеем и Анной» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 6-6об.). Как мы видим, в данном случае в число «русских пленных» отнесены люди, которые родились в Хиве в семьях «русских пленных», причем они родились уже у свободных родителей и никогда не были не только пленниками, но и рабами.

Итак, в документообороте оренбургских властей XIX в. словосочетание «русский пленник»/«русский пленный» используется крайне широко, и под этим понятием объединяются совершенно разные категории людей. Так могли называться люди, взятые в плен как угодно давно, уже прошедшие и плен у работоторговца, и роль хозяйственного раба у владельца в среднеазиатском ханстве, и на момент отправки на родину много лет свободные. Более того, в некоторых случаях «русскими пленниками» могли именоваться дети, родившиеся в Средней Азии в семьях других «русских пленников», в том числе и свободных (кстати, материалов для того, чтобы понять, как позиционировались дети, рожденные в смешанных браках, у нас нет, и нельзя исключать, что какая-то их часть тоже могла считаться «русскими пленниками»). Соответственно, разного рода оценки числа «русских пленников» не могут рассматриваться как оценки числа русских рабов в Средней Азии, а в списках «русских пленников» фиксировались люди, на момент составления этих списков ни рабами, ни пленниками не являвшиеся. Соответственно, для понимания феномена рабства в Средней Азии истории «русских пленников» необходимо изучать на микроуровне, выясняя по возможности сложную личную судьбу каждого из них и то, по какой причине он позиционировался в таком статусе. Обобщающие же и аналитические работы русских авторов XIX в. нужно использовать, учитывая то, что понятие «русский пленник», активно использовавшееся в то время, для Средней Азии близко, но не синонимично понятию «русский раб в одном из среднеазиатских ханств».

5. Заключение

Итак, подданные Российской империи, находившиеся в рабстве в среднеазиатских ханствах, чаще всего маркировались в документах оренбургских властей как «русские пленники»/«русские пленные», причем этот термин мог сокращаться до «пленников»/«пленных». «Невольникам»/«рабами» они именовались значительно реже. Причины подобного позиционирования заслуживают отдельного исследования, но из проанализированных нами материалов очевидно: это позиционирование напрямую влияло на показания бывших рабов, снимаемые при их возвращении на родину. В этих показаниях основной акцент обычно делался на описание пленения, обстоятельства захвата в плен, число захватчиков и т. п. Напротив, пребывание в рабстве описывалось крайне лапидарно, порой десятилетия укладывались в одно предложение.

Соответственно, в большинстве случаев из показаний бывших русских рабов в Средней Азии вообще не ясно, чем они занимались в плену и каков был их социальный статус. Из рассмотренных нами более чем 30 показаний бывших рабов можно сделать только один значимый вывод об их жизни в рабстве: вывод о том, что у них был шанс как на самостоятельный выкуп, так и на освобождение хозяином без всякого выкупа, после чего бывшие рабы обычно оставались жить в среднеазиатских ханствах. При этом социальный статус освобожденных рабов был низким (в показаниях есть случаи насильственного отбора у них денег родственниками бывшего хозяина), тем не менее они заводили семьи и детей, женись как на дочерях других бывших «пленников», так и на местных жительницах.

И как раз появление подобных новых социальных феноменов, связанных со среднеазиатским рабством, сильно способствовало размытию термина «русские пленники»/«русские пленные» в разобранных нами документах. Поскольку сам этот термин был предназначен исключительно для внутреннего российского пользования, причем юридически он нигде не фиксировался, чиновники использовали его крайне вольно, относя к «русским пленникам» целый ряд неочевидных категорий. Так, к «русским пленникам» причисляли детей, родившихся в Хиве от уже освобожденных родителей, захваченных десятилетия назад. «Русским пленником» мог числиться и беглец из России, захваченный уже на территории другой страны, подданным которой он стал. Как нам представляется, в итоге термин «русский пленник» в чиновном делопроизводстве отражал не столько актуальные реалии жизни человека, к которому он применялся, сколько притязания на него российских властей: «русским пленным» де-факто назывался любой человек, которого Российская империя по какой-либо причине считала своим подданным и которого она желала вернуть из среднеазиатских ханств. Причиной такого отношения в подавляющем числе случаев действительно было то, что «пленник» некогда был захвачен в плен, будучи подданным Российской империи, однако в частных случаях обоснованием могли служить и какие-то другие причины, например рождение в Средней Азии в семье русского происхождения.

Разумеется, при подобном подходе этническое происхождение и актуальный социальный статус «русских пленников»/«русских пленных» на момент написания документа о них могли быть самыми разными. В числе рассмотренных нами «русских пленников» были и поляк, и черемис (мариец). Большинство «русских пленников» до возвращения в Россию оставались рабами, однако в их числе встречались люди, обретшие свободу в среднеазиатских ханствах, и дети этих людей, никогда рабами не бывшие. Таким образом, хотя термин «русский пленник»/«русский пленный» в рассмотренных нами источниках и связан со среднеазиатским рабством, степень и характер этой связи в каждом конкретном случае нужно разбирать отдельно.

Нам остается сделать вывод, что тексты о «русских пленниках» оренбургских чиновников XIX в. написаны с крайне специфической позиции, влиявшей на отражение в них реальности. Само понятие «русский пленник»/«русский пленный» было конструктом, сформировавшимся в России и отражавшим не реальный социальный статус части рабов в Средней Азии, но притязания российской власти на покровительство этим рабам (для определения самоидентификации русских рабов в Средней Азии, судя по немногим источникам, написанным ими собственноручно, лучше подошел бы конструкт «христианский пленник»). Исходя из подобной логики, чиновниками даже при расспросах «русских пленников» фиксировались в первую очередь не факты их жизни в Средней Азии, но факты, связанные с захватом в плен подданных Российской империи и их освобождением из этого «плена» (причем освобождением из «плена» считался выход на родину, даже если юридически бывший раб был освобожден еще в среднеазиатских ханствах). А для изучения собственно жизни подданных Российской империи в рабстве и после него необходимо изыскивать иные документы, прежде всего создававшиеся непосредственно в Средней Азии. Документы же российских властей о «русских пленниках» по самой логике этого термина содержат важный, но достаточно односторонний и специфический пласт информации.

Литература

- Беленицкий, 1970 – Беленицкий А.М. О «рабовладельческой формации» в истории Средней Азии // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 122. М., 1970. С. 71-76.
- ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.
- Григорович, 1911 – Григорович Н.С. Памяти Н.А. Маслаковца // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 262-266.
- Даль, 1838a – Даль В.И. Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830 // Альманах «Утренняя заря». СПб., 1838. С. 188-211.
- Даль, 1838b – Даль В.И. Рассказ хивинского пленника Федора Федорова Грушина // Литературное прибавление к Русскому инвалиду. 1838. № 5. С. 81-86.
- Даль, 1839 – Даль В.И. Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова // Альманах «Утренняя заря». СПб., 1839. С. 74-92.
- Жаплова, Сайбулова, 2020 – Жаплова Т.М., Сайбулова А.Ж. Особенности поэтики биографического очерка С.Н. Севастьянова «Падуров» // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2020. № 7–8. С. 35-42.

[Исмаилова, 1973](#) – Исмаилова С.К. Документы о рабстве в Бухарском ханстве в XIX – начале XX в. // *Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук.* № 2(72). 1973. С. 20-30.

[Кочнев, 2017](#) – Кочнев А.В. Российские подданные в Хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия // *Вестник Томского государственного университета.* 2017. № 423. С. 100-104.

[Матвиевская, 2002](#) – Матвиевская Г.П. Владимир Иванович Даль, 1801–1872. М., 2002. 221 с.

[Попов, 1907](#) – Попов А. Рукописи Г.Ф. Генса // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.* Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 168-182.

[Родин, 2022](#) – Родин Д.В. Хивинский поход В.А. Перовского 1839–1840 гг. в контексте англо-русского соперничества в Средней Азии // *Журнал Фронтальных Исследований.* 2022. № 1. С. 34-57.

[Севастьянов, 1906](#) – Севастьянов С.Н. События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839–1840 гг. // *Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии.* Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 95-148.

[Севастьянов, 1907](#) – Севастьянов С.Н. Григорий Федорович Генс // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.* Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 158-167.

[Севастьянов, 1999](#) – Севастьянов С.Н. Иван Васильевич Подуров. Историко-биографический очерк // *Гостинный двор: Литературно-художественный и общественно-политический альманах.* Оренбург, 1999. С. 190-205.

[Созина, 2016](#) – Созина Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // *Уральский исторический вестник.* 2016. № 1(50). С. 6-15.

[Ermachkov et al., 2021a](#) – Ermachkov I.A., Baibarın A.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody.* 2021. 16(4). Pp. 1779-1788.

[Ermachkov et al., 2021b](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations // *Bylye Gody.* 2021. 16(1). Pp. 110-117.

[Ermachkov et al., 2021c](#) – Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody.* 2021. 16(3). Pp. 1171-1180

[Izbassarova, 2020](#) – Izbassarova G.B. Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov) // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 58. Is. 4. Pp. 2385-2395.

References

[Belenitskii, 1970](#) – Belenitskii, A.M. (1970). О «rabovladel'cheskoi formatsii» v istorii Srednei Azii [About «slavery formation» in the history of Central Asia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii.* Vyp. 122. M., Pp. 71-76. [in Russian]

[Dal', 1838a](#) – Dal', V.I. (1838). Rasskaz nevol'nika, khivinskogo urozhentsa Andreyka Nikitina. 1830 [The story of a slave, a khivan denizen Andrei Nikitin. 1830]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya».* SPb., Pp. 188-211. [in Russian]

[Dal', 1838b](#) – Dal', V.I. (1838). Rasskaz khivinskogo plennika Fedora Fedorova Grushina [The story of khivan captive Fedor Fedorov Grushin]. *Literaturnoe pribavlenie k Russkomu invalidu.* 5: 81-86. [in Russian]

[Dal', 1839](#) – Dal', V.I. (1839). Rasskaz vyshedshego iz khivinskogo plena astrakhanskogo meshchanina Tikhona Ivanova Ryazanova [The story of an Astrakhan burgher Tikhon Ivanov Ryazanov who left khivan captivity]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya».* SPb. Pp. 74-92. [in Russian]

[Ermachkov et al., 2021a](#) – Ermachkov, I.A., Baibarın, A.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century). *Bylye Gody.* 16(4): 1779-1788.

[Ermachkov et al., 2021b](#) – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations. *Bylye Gody.* 16(1): 110-117.

[Ermachkov et al., 2021c](#) – Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody.* 16(3): 1171-1180.

[Grigorovich, 1911](#) – Grigorovich, N.S. (1911). Pamyati N.A. Maslakovtsa [In memory of N.A. Maslakovets]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Vyp. 23. Orenburg. Pp. 262-266. [in Russian]

[Ismailova, 1973](#) – Ismailova, S.K. (1973). Dokumenty o rabstve v Bukharskom khanstve v XIX – nachale XX v. [Documents about slavery in the Khanate of Bukhara in the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk.* 2(72): 20-30. [in Russian]

Izbassarova, 2020 – Izbassarova, G.B. (2020). Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov). *Bylye Gody*. 58(4): 2385-2395.

Kochnev, 2017 – Kochnev, A.V. (2017). Rossiiskie poddannye v Khivinskom plenu v kontse XVIII – nachale XIX v.: puti resheniya problemy i posledstviya [Russian subjects in Khivan captivity in the late 18th – early 19th centuries: ways of resolving the problem and the consequences]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universitetata*. 423: 100-104. [in Russian]

Matvievskaya, 2002 – Matvievskaya, G.P. (2002). Vladimir Ivanovich Dal', 1801–1872 [Vladimir Ivanovich Dal, 1801–1872]. M., P. 221. [in Russian]

OGA00 – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint state archive of Orenburg Oblast].

Popov, 1907 – Popov, A. (1907). Rukopisi G.F. Gensa [Manuscripts of G.F. Gens]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Vyp. 19. Orenburg, Pp. 168-182. [in Russian]

Rodin, 2022 – Rodin, D.V. (2022). Khivinskii pokhod V. A. Perovskogo 1839-1840 gg. v kontekste anglo-russkogo sopernichestva v Srednei Azii [Khivan campaign of V.A. Perovsky of 1839-1840 in the context of English-Russian contest in Central Asia]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*. 1: 34-57. [in Russian]

Sevast'yanov, 1906 – Sevast'yanov, S.N. (1906). Sobytiya v Orenburgskom krae, podgotovivshie ekspeditsiyu v Khivu 1839–1840 gg. [Events in Orenburg Oblast that prepared the expedition to Khiva of 1839–1840]. *Trudy Orenburgskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii*. Vyp. 16. Orenburg. Pp. 95-148. [in Russian]

Sevast'yanov, 1907 – Sevast'yanov, S.N. (1907). Grigorii Fedorovich Gens [Grigori Fedorovich Gens] *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 19. Orenburg. Pp. 158-167. [in Russian]

Sevast'yanov, 1999 – Sevast'yanov, S.N. (1999). Ivan Vasil'evich Podurov. Istoriko-biograficheskiy ocherk [Ivan Vasil'evich Podurov. A historical-biographical essay]. *Gostinyi dvor: Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh*. Orenburg. Pp. 190-205. [in Russian]

Sozina, 2016 – Sozina, E.K. (2016). Diskurs «stepnykh plennikov» v russkoi literature XIX veka [«Steppe captives» discourse in Russian literature of 19th century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1 (50): 6-15. [in Russian]

Zhaplova, Saibulova, 2020 – Zhaplova, T.M., Saibulova, A.Zh. (2020). Osobennosti poetiki biograficheskogo ocherka S.N. Sevast'yanova «Padurov» [Features of the poetics of S.N. Sevast'yanov's biographical essay «Padurov»]. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 7-8: 35-42. [in Russian]

Пленники, рабы, свободные: некоторые особенности показаний бывших русских рабов в Средней Азии XIX в. как исторического источника

Артём Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена источниковедческому анализу показаний бывших русских рабов в Средней Азии XIX в., снятых чиновниками Оренбургского губернаторства. Автор показывает, что подобные показания достаточно многочисленны и имеют важное значение для изучения среднеазиатского рабства в целом. В то же время снимавшие их чиновники исходили из достаточно специфической позиции: подданные Российской империи, побывавшие в рабстве в Средней Азии, позиционировались как «русские пленные»/«русские пленники». Во-первых, это вело к тому, что при снятии показаний основное внимание обычно уделялось не периоду пребывания человека в рабстве, но его взятию в плен. Поэтому зачастую в показаниях после детального описания пленения следует описание долгих лет рабства, но сводящееся к одному-двум предложениям и совершенно не раскрывающее особенности пребывания человека в рабстве. Во-вторых, подобное невнимание к реалиям пребывания человека в рабстве, в свою очередь, вело к тому, что под названием «русские пленные»/«русские пленники» объединялись самые разные категории людей: как рабы, так и люди, давно получившие свободу, и даже никогда не бывшие в рабстве дети этих людей. Автор приходит к выводу, что поэтому истории «русских пленных» необходимо изучать на микроуровне, с определенной осторожностью относясь к обобщениям современников о «русских пленниках» в Средней Азии, поскольку на практике социальный статус этих людей мог значительно различаться.

Ключевые слова: источниковедение, рабство, плен, Средняя Азия, Хивинское ханство, Оренбургское губернаторство, Г.Ф. Генс.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)